

Валерий Ковалев

В закрытом гарнизоне

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Москва
2015 год

18+

Валерий Николаевич Ковалев

В закрытом гарнизоне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63089141

SelfPub; 2020

Аннотация

Рассказы о службе на атомном подводном флоте Краснознаменного Северного флота. Дальних походах, жизни и быте моряков-подводников. Легкий юмор.

Содержит нецензурную брань.

Валерий Ковалев

В закрытом гарнизоне

Маленькие солнца

Завершив очередной этап испытаний, наш подводный крейсер неспешно бродит переменными галсами в заданном квадрате Белого моря. Размеренно гудят турбины, в отсеках боевая готовность «два», команда чувствует себя умиротворенно.

Это все до подхода сюда эсминца, на котором мы будем отрабатывать выход в торпедную атаку. Эсминца пока не наблюдается и на борту, как говорят, благодать.

Одна боевая смена несет вахту, остальные занимаются по интересам.

А интересы у нас разносторонние, вроде «забивания морского козла» в старшинской кают-компании, читка разного рода потрепанных и непременно с картинками журналов, слушание магнитофона и бречанье на гитаре в каютах, а также отработка различных нарядов, которых всегда вволю на военном корабле.

Время от времени, испросив разрешения у сидящих в центральном отцов-командиров, мы небольшими группами карабкаемся вверх по вертикальному трапу шахты входно-

го люка, дымим в полумраке рубки дешевыми сигаретами и сквозь проемы выдвижных устройств и рубочные иллюминаторы любуемся красотой мироздания.

А любоваться есть чем.

В наших широтах начало лета, всюду буйствует полярный день, и море отсвечивает ультрамарином до самого горизонта. Купол неба небывало высок, в нем неугасимо светит солнце, и величаво парят белоснежные чайки.

– Красиво, – досасывая бычок и плясь в иллюминатор, бормочет Славка Гордеев.

– Ага, – задумчиво пускает вверх кольца дыма Серега Свеженцев. – Как у этого, как его, Репина.

– Может у Айвазовского? Репин моря не рисовал, – значительно изрекает Славка и презрительно косится на приятеля.

– Может и так, – цикает слюной в стоящий рядом обрез Серега. – Мы того, институтов не кончали.

В свое время Славка учился в университете, откуда был изгнан за разгильдяйство и отцом – полковником ВВС, определен на флот для перевоспитания.

– Да пошел ты, – обижено шипит Славка и разговор прерывается.

По решетчатому настилу мостика, который нам виден снизу, неспешно ступают яловые сапоги вахтенного офицера, изредка слышны подаваемые рулевому команды и щелчки манипуляторов управления.

На руле стоит наш приятель старший рулевой-сигнальщик Серега Алешин, и мы ему завидуем.

Одно дело в такую чудесную погоду маяться на боевом посту в отсеке и совсем другое стоять на залитом солнцем мостике.

Впрочем, когда мы попадаем в надводном положении в штурм, это чувство сразу же пропадает.

Докурив сигареты и в последний раз обзрев окружающее великолепие, мы с неохотой подходим к входному люку, поочередно шагаем в него и, обхватив ладонями и стопами ног скользкие поручни, чертом скользим вниз.

Затем, чтобы не привлекать внимания сидящих в центральном посту (могут озадачить) неслышно рысим к квадратному, с хромированным ограждением люку в палубе, быстро спускаемся еще на один уровень, и каждый следует по своим делам.

Лично я, в свой торпедный отсек, где просторно, на досуге можно потягать гирю и о чем-нибудь потрепаться со стоящим на вахте Саней Порубовым. Он хотя и мичман, но ненамного старше, и у нас почти товарищеские отношения.

Но потрепаться не светит.

Как только я отдраиваю переборочный люк первого, сонную тишину отсеков взрывают колокола громкого боя и по кораблю объявляется боевая тревога.

– Наверное, эсминец подошел, – сбрасывает ноги с направляющей балки торпедного стеллажа сидящий в кресле

Саня, а я ныряю под нее и лезу на свой борт.

Спустя минуту, в палубном люке возникает курчавая голова в пилотке, и к нам присоединяется старшина команды Олег Ксенженко.

Последним, в неизменно бодром настроении, в отсеке появляется наш командир боевой части капитан-лейтенант Мыльников, плюхается в освобожденное Порубовым кресло и тянется рукой к тумблеру «каштана».

– Первый к бою готов! – следует бодрый доклад в центральный.

– Есть первый! – мигает красный глазок, и Сергей Ильич удовлетворенно крикает.

– Никак эсминец подошел? – интересуется сидящий за стрельбовым пультом Ксенженко, и мы вопросительно пялимся на командира.

– Да нет, хрень какая-то летает вокруг лодки, – не сразу отвечает он, потом выщелкивает из штатива трубку и набирает короткий номер

Из его последующего разговора с кем-то из офицеров становится ясно, что вахтой наверху, над кораблем в небе наблюдаются две необычных цели.

– Угу, угу, – кивая лобастой головой, ерзает в кресле «бычок». – Понял.

Затем он озадачено вщелкивает трубку в держатель и некоторое время глубокомысленно молчит.

– Так че там, а товарищ капитан-лейтенант? – снова басит

Олег. – Самолеты?

– Если бы, – озадачено чешет затылок Мыльников. – Какие-то светящиеся шары, облетают лодку

– Ни хрена себе, – переглядываемся мы. – Так может это по плану испытаний?

– Если бы, – следует ответ. – Наверх вызван боевой расчет с ПЗРК.

Два переносных зенитных ракетных комплекса «Стрела-2» с месяц назад загружены на борт для обороны корабля от низколетящих целей и вот теперь один наверху. Интересно.

В томительном ожидании проходит час, в течение которого мы в очередной раз проверяем лежащую на стеллаже практическую торпеду и ждем, чем все это закончится.

Ожидание завершается отбоем тревоги, вахта заступает по – походному и Сергей Ильич, выдав нам необходимые распоряжения, отправляется в центральный.

А спустя некоторое время по кораблю разносится известие, что наверху две шаровые молнии.

Что это такое мы представляем смутно и строим самые различные предположения.

Наиболее убедительное высказывает Олег. Он заочно учится в Ленинградском госуниверситете, в свободное время много читает и не уступает в эрудиции офицерам.

– Согласно одной из гипотез, шаровая молния это сгусток плазмы – многозначительно изрекает он. – В котором огром-

ное количество энергии. Природа шаровой молнии неизвестна. Такие вот дела.

– А она того, не опасная? – покосившись на отсечный подволок, внешне безразлично интересуется Саня.

Я тоже пялюсь вверх и пытаюсь представить эту самую молнию. Воображения не хватает.

– Да как сказать? – пожимает широкими плечами Ксенженко. – В практике отмечались случаи, когда натыкаясь на какое – либо препятствие, молния взрывалась, и имелись серьезные разрушения. А порой она проходила сквозь них и ничего.

– А через наш прочный корпус может?

– Хрен его знает, думаю вполне.

Некоторое время мы молчим, переваривая услышанное, а потом Олег встает и направляется к палубному люку.

– Пойду к ракетчикам, – говорит он нам. – Те точно чего-нибудь, да знают.

Минут через пять, покинув заступившего на вахту Порубова, я тоже спускаюсь вниз и направляюсь в сторону кормы, пообщаться с ребятами.

Когда сидя в старшинской кают-компании мы живо обсуждаем непонятное нам явление, там появляется один из ракетчиков – Серега Осмачко.

– Ну, че там, наверху? – слышатся сразу несколько голосов и все пялятся в его сторону.

– Че-че, хер через плечо – недовольно брюзжит взмылен-

ный Серега. – Херня какая-то вокруг лодки летает. – Дайте попить, еле дотащил этот гребаную «Стрелу».

Серее вручают эмалированную кружку с компотом, и он жадно его лакает.

– Ну, рассказывай, не тяни – окружаем мы ракетчика.

– А чего рассказывать? – шмякает он ее на стол. – Вызвали нас с Федькой в центральный, сунули в руки ПЗРК и приказали тащить его наверх. Вылазим мы значит на мостик, а там командир со старпомом и наш «бычок». Наблюдают что-то в бинокли. Смотрим, сзади в небе пара светящихся шаров летает.

– ?!

– Ну да, летают и светятся курвы.

Бычок оборачивается, «приготовить ПЗРК к стрельбе!».

Приготовили, стоим, vareжки разинули. А они хоть бы хны. Летают.

– Ну! – наваливаются на Серее слушатели.

– Гну, – сопит тот. – Полчаса так стояли, а потом снизу поднялся начальник РТС и сунул «кэпу» какую-то бумажку. Тот прочел и приказал нам тащить трубу вниз.

– Жалко, – разочаровано протянул кто-то. – Надо было того, шмальнуть.

– Хорошо бы, – соглашается Серее. – Для полноты ощущений.

Потом на переборке щелкает «каштан», и голос вахтенного офицера объявляет, что личному составу разрешен выход

наверх.

Кают-компания пустеет, и все рысят в сторону центрального, побыстрее увидеть таинственные шары.

Но не тут-то было. Выход наверх разрешают только по трое.

– И что б мне там было тихо, – внушительно озирает любопытных помощник командира.

– Пять минут поглядели и вниз. Ясно?

– Точно так, ясно – вякаем мы, первая тройка поочередно исчезает в люке, а остальные изгоняются на среднюю палубу.

Томительно тянутся минуты и все нервничают – а вдруг улетят, и мы ничего не увидим?

Наконец появляются воняющие табаком счастливицы, и мы спрашиваем, – ну как?

– Летают мля, – восхищенно узит глаза Димка Улямаем. – Оранжевые такие, вроде маленьких солнц..

– Ага, летают, – подтверждает Витька Печенкин. – И вроде как живые.

– Живые?! – ошарашено переглядываемся мы и нетерпеливо сучим ногами.

– Следующие пошли! – доносится сверху, и мы с Серегой Антоненко и Славкой Гордеевым звеним вверх по крутому трапу.

Потом десять метров вертикальной шахты, полумрак рубки со льющимися сверху золотистыми лучами и мы принимаем к плексигласу иллюминаторов.

– Где, где они, ты видишь? – сопит у меня над ухом Славка.

Впереди бескрайняя синь моря, вверху небо, с плывущими по нему перистыми облаками и больше ничего.

– Да вон же они, вон! – громко шепчет глазастый Серега, и мы бросаемся к нему.

Слева по борту, метрах в трехстах, в небе, в сторону кормы, плывут два пульсирующих, ярко – оранжевых шара. Они действительно чем-то похожи на солнце, только маленькие.

– Удаление четыреста метров, – доносится с мостика чей-то голос, и мы до боли выворачиваем шеи.

Через несколько секунд таинственная пара исчезает из поля зрения, и перед глазами только небо.

– Фантастика, – восхищенно тянет Славка, а мы с Серегой с тоской взираем на мостик. Нам бы туда, да кто пустит!

Увиденное вызывает острое желание закурить, что мы и делаем.

– Так, время вышло! – возникает в проеме мостика лицо боцмана и, напиваясь на ходу дымом, мы шаркаем тапочками в сторону люка.

– Ну, как, видели? – встречают нас внизу страждущие.

– А то! – гордо бросаем мы. И расходимся по отсекам.

Спустя несколько часов, за вечерним чаем, макая сушки в блюдца с медом и прихлебывая из горячих кружек, мы обсуждаем увиденное и дивимся непознаваемости мира.

Что это было? Почему, откуда и зачем?

Последний берег

Пронзительно взыв сиреной, белоснежная «Комета» плавно подошла к причалу, стоящие на ее носу и корме матросы ловко набросили на кнехты капроновые концы, затем был подан трап, и с судна, оживленно переговариваясь, сошла группа военных моряков.

Парни были облачены в форму «три» первого срока, многие со старшинскими лычками, и все с чемоданами в руках.

На флоте шла очередная демобилизация.

Спустя некоторое время, уволенные в запас, широко шагая и паруся клешами, черно-синей группой подошли к зданию железнодорожного вокзала, увенчанному куполом со шпилем, составили чемоданы у стены и дружно задымили сигаретами.

– Непривычно как-то, кореша, – с интересом оглядываясь по сторонам, сдвинул на затылок щегольскую, с длинными муаровыми лентами и тисненой золотом надписью «Северный флот» бескозырку, здоровенный главный старшина с рыжим чубом.

– Ага, отвыкли мы от гражданки, – поддержал его стоящий рядом усатый крепыш с гитарой, провожая взглядом двух длинноногих девчонок, проходящих рядом. – Гляди, братва, какие цыпы!

– Цыпы че надо, – сразу же отозвались несколько голосов,

и вся группа приосанилась.

– Так может того, отметим последний сход на берег? – хлопнул себя по шее тыльной стороной ладони похожий на Паганеля старший матрос. – Как – никак, три года оттабанили.

Остальные весело согласились, подхватили свои чемоданы, и вся группа направилась в задание вокзала.

В это погожее майское утро он был еще немногочисленным, матросские каблуки звонко цокали по бетонному полу, нарушая сон прикорнувших в зале ожидания пассажиров.

Однако уже открывшийся буфет огорчил парней отсутствием в нем чего-либо горячительного, станционный ресторан был закрыт, и недовольно брюзжа, группа направилась к выходу.

– Ну, так че? – снова пробубнил Паганель, когда все вышли из-под сводов вокзала и стали озирать окрестности. – Может сядим шматье в камеру хранения и рванем в город? До поезда еще целых три часа.

– Лично я пас, – чуть подумав, заявил главстаршина. – Тем более, что в Мурманске бывал. Большая казарма.

– Точно, – поддержали его несколько голосов. – К тому же там сейчас патрулей, как собак нерезаных.

– А у м-меня прет-тложение, – сказал блондинистый старшина 1 статьи. – Айт-та вон тут-та, – кивнул он в сторону привокзального сквера. – Там посидим на сол-лнышке, а пар-р-репят отправим в гор-рот, пускай чего-н-нибудь прит-

таранят.

– Во-во, Айво, точно!– радостно оживились остальные, и вся группа целеустремленно зашагала к скверу.

Там моряки облюбовали одну из скамеек, в их руках зашелестели полученные при увольнении новенькие рубли и трешки, и вскоре два добровольца, прихватив с собой пустой «сидор», шустро зарысили к расположенной рядом с вокзалом автобусной остановке.

– Ну, а мы пока музыку послушаем, – щелкнул кнопкой портативного «Дельфина» один из моряков, и с ближайшего дерева сорвалась стайка воробьев.

Ой, где был я вчера – не найду, хоть убей!

Только помню, что стены – с обоями,

Помню – Клавка была, и подруга при ней, -

Целовался на кухне с обоими!

хрипло заорал всенародно любимый бард, и всем стало весело.

– Вот и я так, – мечтательно прищурил глаза хозяин магнитофона. – Приеду к себе в Иваново, неделю гулять буду. Тем более что девчат у нас море.

– Поскольку тема интересная, завязывается оживленный

треп, и все радостно гогочут.

В самый его разгар в дальнем конце сквера появляются три фигуры и, шагая в ногу, направляются в их сторону.

– А вот и патруль, – метко цикает слюной в урну Паганель, все головы поворачиваются в ту сторону.

– Может пригласить их с нами бухнуть? – задумчиво гудит главный старшина. – На прощание, так сказать.

– Го-го-го! Га-га-га! – весело заржали остальные. – С патрулями? На прощание? Здорово!

Тем не менее, когда сухопутный капитан и сопровождающие его два сержанта подходят к скамейке, все встают и изображают строевую стойку.

– Кто тут у вас старший? – ответив на приветствие, оглядел группу капитан.

– А у нас теперь того, старших нету, – задорно вякнул владелец «Дельфина». – Мы, товарищ капитан, уволены в запас.

– Ясно, – последовал ответ. – Документы.

Моряки полезли в карманы клешей, и офицер просмотрел военные билеты.

– Ну что же, документы в порядке, – констатировал он, поочередно возвращая их парням.

– Во сколько поезд?

– В 11.30. Едем до Питера

– Ну что же, доброго вам пути, – кивнул начальник патруля. – Только не вздумайте бузить. Понятно?

– Как можно? – раздалось сразу же несколько голосов. –

Обижаете, товарищ капитан!

– Вас обидишь, – хмыкнул офицер, и вся тройка последовала дальше.

Ой, где был я вчера – не найду днем с огнем!

Только помню, что стены – с обоями,

И осталось лицо – и побои на нем,

Ну куда теперь выйти с побоями!

прохрипел очередной куплет бард, все, снова уселись на скамейку и продолжили столь интересную тему.

А спустя полчаса из города на очередном автобусе подъехали довольные «гонцы», с изрядно располневшим «сидором», в расположенном неподалеку киоске моряки купили два пакета горячих чебуреков, и зажатые в их руках бутылки, глухо звякнули друг о друга.

– Ну че, айда на вокзал? – предложил усатый крепыш, когда вино было выпито а чебуреки съедены. – Людей посмотрим, себя покажем.

– Айда, – заухмылялись парни. – Хорошо все-таки на гражданке!

Вокзал встретил их многолюдьем, гнусавым лаем репродуктора, сообщавшим о прибытии очередного поезда и бес-

толковой суетой пассажиров.

– Да, братва, – критически оглядел людской муравейник главный старшина.

– Никакого порядка. И строем никто не ходит.

Между тем военных кругом значительно прибавилось.

В разных местах, блестя золотом нашивок, шевронов и жетонами за воинские отличия, с независимым видом стояли группы увольняемых в запас.

Кого тут только не было.

Рядовые, ефрейторы и сержанты с черными, голубыми и красными погонами, пограничники в зеленых фуражках и со здоровенной овчаркой в наморднике, моряки в широченных клешах и сдвинутых на затылок бескозырках.

Между ними неспешно дефилировали многочисленные патрули, время от времени в толпе возникали милицейские наряды, а у торцевой стены вокзала стоял укрытый тентом военный грузовик, в кузове которого скучал взвод десантников.

– Солидно, однако, нас провожают, – значительно изрек Паганель. – Ну да ничего, в поезде повеселимся.

Внезапно на перроне возник какой-то шум, крики, и сопящий патруль проволока в сторону двери с табличкой «военный комендант», двух упирающихся, похожих на елочные игрушки солдат.

..врагу не сдастся наш гордый «Варяг»!

Па-ащады, никто не жела-а-ает!!

пьяно орали те и пытались вырваться.

– М-да, – переглянулись моряки. – Эти уже приехали.

– Поезд Мурманск – Ленинград подается на первый перрон! Нумерация вагонов с головы состава! – металлически пробубнили репродукторы.

Вслед за этим в дальнем переплетении блестящих рельс возник зеленый локомотив, за ним длинная змея вагонов, все это плавно вкатило на перрон и, лязгнув сцепками, остановилось.

– Ну что, братва? – Карета подана, айда на погрузку, – первым взял свой чемодан главный старшина, и вся компания широко зашагала в голову состава.

– Трет-тий? – поинтересовался у стоящей перед открытой дверью одного из вагонов молоденькой проводницы Айво.

– Третий, – улыбнулась та. – Ой, сколько вас много!

– И все холостые, – подмигнул девушке крепыш с гитарой. – Меня, кстати, зовут Вова.

– А его жену, Света, – наклонился к проводнице Паганель, и все весело заржали.

Спустя минуту моряки дружно затопали по светлому линолеуму вагона и по – хозяйски разместились в двух средних плацкартах.

– Да, давненько я не ездил в поездах, – усевшись у окна, раздернул закрывавшую его шторку главный старшина. – А

кубрик ничего, как у нас на «коробке»*.

Вскоре вагон наполнился многочисленными отъезжающими, проводница прошла по проходу и выпроводила провожающих, затем впереди пропел гудок, и по составу прокатился лязг сцепок.

В то же самое мгновение из вокзальных репродукторов грянул «Марш славянки», за окнами медленно, а потом, все убыстряясь, поплыл перрон.

– Ну, вот и все, – вздохнул кто-то из парней. – Поехали.

Спустя непродолжительное время, гремя колесами на стрелках, поезд вынесся на окраину, и сбоку, сливаясь с туманным горизонтом, возникла часть залитого солнцем Кольского залива.

– Прощай Флот! – заорали прильнув к открытым окнам моряки и замахали бескозырками.

– Прощай..!

Им в лица бил ветер. Соленый и почему-то влажный.

Верхняя вахта

– Третьей смене верхневахтенных приготовиться к заступлению! – пробубнил по лодке голос из «каштана».

Сладко зевнув, матрос-первогодок Витька Печенкин сбросил с себя дрему, которая навалилась на него после ужина, открыл дверцу платяного шкафчика и, что-то недовольно бурча под нос, стал облачаться в необходимые атрибуты.

Для начала он натянул поверх синего «РБ»* стеганые ватные брюки и водолазный свитер, затем шерстяные носки и, обернув ступню каждой ноги пошарканной в руках газетой «На страже Заполярья», кряхтя обул морские яловые сапоги с медным подбоям.

Потом несколько раз притопнул ими по линолеуму палубы, удовлетворенно крякнул и напялил на себя мягкую, пахнущую овчиной хромовую канадку, а на стриженую под ноль башку черную, с рубиновой звездочкой, матросскую шапку.

После этого Витька с завистью взглянул наверх, где за задвинутой шторкой, на своей койке сладко посапывал его сменщик и, вздохнув, откатил в сторону дверь каюты.

Четыре часа верхней вахты его не радовали, но что делать, такова участь всякого молодого, или как говорят, «карася», на Северном флоте.

Согласно неписанному закону, всякий прибывающий из учебного отряда матрос, в течение максимально короткого времени обязан сдать экзамен на самоуправление боевым постом, после чего он становится полноправным членом экипажа и получает свои законные «морские»*.

До этого же молодого жучат и в хвост и в гриву, используя как дармовую тягловую силу, гоняют в различные береговые наряды, а для осознания своей никчемности всенепременно ставят на верхнюю вахту.

Налицо не дающая осечек военная аксиома: не можешь – научим, не хочешь – заставим.

Миновав ряд отсеков, похожий в своих одежках на пингвина, Печенкин задраил за собой очередной люк и, сопя, стал подниматься по наклонному трапу в центральный пост.

За то время, которое он находился на корабле, Витька немного пообвык в его бесконечных лабиринтах до предела насыщенных плодами технического прогресса, но центральный пост, бывший сосредоточением всего, внушал ему едва ли не священный трепет.

В период нахождения в учебном отряде, в числе других курсантов, Печенкину доводилось бывать на подводных лодках базирующейся рядом бригады, где их знакомили с устройством субмарин.

Но то были корабли второго поколения – с дизельными энергетическими установками, ограниченной дальностью плавания и временем нахождения под водой.

Крейсер же, на который попал служить Витька относился к последнему, имел ядерную силовую установку, был вооружен шестнадцатью межконтинентальными баллистическими ракетами и мог оперировать в любой точке Мирового океана.

– Прошу разрешения в центральный! – сглотнув слюну, осторожно ступил Печенкин на матово блестящий линолеум и в очередной раз удивился тому, что увидел.

Вокруг, в легком полумраке, холодно сияли всевозможные экраны, пульта и приборы, отсвечивали хром и бронза многочисленных вентилях, маховиков и манипуляторов,

змеились хитросплетения кабельных трасс и трубопроводов, а в самых разных местах таинственно мерцали сигнальные лампочки и мнемосхемы.

– Попробуй, – благодушно кивнул черной пилоткой сидящий в командирском кресле дежурный по кораблю с повязкой «РЦЫ» на рукаве куртки, а листающий какой-то формуляр помощник с интересом уставился на матроса.

– Ну, Печенкин, когда сдашь на самоуправление? – закинув ногу на ногу, поинтересовался дежурный, покачивая носком хромового ботинка. – Или так и будешь припухать у трапа? – ткнул пальцем вверх.

– Не, – застенчиво потупился Витька и шмыгнул носом.

– Чего «не»?

– Скоро сдам, остались только корабельные системы.

– Ну-ну, – последовал лаконичный ответ, и дежурный сделал знак помощнику.

Тот подошел к расположенному за одним из пультов металлическому сейфу, зазвенел связкой ключей в замке, потянул на себя дверку и внутри масляно замерцали стволы десятка АКМС*.

– На, – извлек из пирамиды мичман крайний и вместе с заряженным магазином протянул его матросу.

Тот молча принял оружие, вщелкнул магазин в приемник, после чего клацнул предохранителем и, нацепив автомат на шею, доложил о готовности к заступлению.

– Значится так, – сдвинул брови капитан-лейтенант. –

Вахту нести бдительно, при нападении смело отражать неприятеля и оборонять наш подводный крейсер. Все понятно? – и сделал зверскую рожу.

– Точно так! – выпучил глаза Печенкин. – Понятно!

– Давай, Лебедев, меняй пост, – приказал дежурный помощнику и тот, кивнув, Печенкину, первым взялся за поручни ведущей наверх шахты.

Наверху их встретил собачий холод, россыпи звезд, мерцающих над застывшим заливом и опущенный инеем вахтенный, пританцовывающий на пирсе, рядом с трапом.

– Ну, как тут Мингажев, не жарко? – заботливо поинтересовался мичман, с удовольствием вдыхая морозный воздух.

– Н-нет, – клацая зубами, ответил тот и поддернул ствол заиндеветшего автомата. – Замерз как собака, таварищ мичман.

После этого состоялась короткая церемония смены вахты, мичман, с деревянно шагающим за ним Мингажевым спором исчезли в рубке, и Витька остался у трапа один.

Для начала он набросил на голову капюшон, смел рукавицей с висящего на леерной стойки «каштана» снежную порошу и метко цыкнул слюной в ближайший кнехт, с заведенным на него носовым швартовым.

Потом внимательно окинул взглядом уже ставшую привычной панораму базы, с застывшими у пирсов заснеженными ракетноносцами, парящей штабной плавказармой и неясно мерцающими вдали огоньками казарменного городка, и,

насвистывая, двинулся по пирсу вдоль длинной горбатой туши, пришвартованного к нему корабля.

Напротив, тускло отсвечивая стояночными огнями, стоял такой же, у трапа которого тоже прохаживался вахтенный.

– Привет! – помахал парню рукой Печенкин, и тот ответно поднял свою.

Дойдя до конца пирса, с закрепленными на нем щитами электропитания и тянущимися от них в корпус кабельными трассами, Витька попинал ногой туго натянутый кормовой швартов и с чувством выполненного долга закрипел сапогами обратно.

– Эй, корешок, у тебя закурить есть? – простужено пробубнил вахтенный соседней лодки, когда Печенкин снова вернулся к трапу.

– Есть, – кивнул он капюшоном, стащил зубами кожаную рукавицу и извлек из-за пазухи мятую пачку «Примы».

Курить на вахте запрещалось, но, как говорят, запретный плод всегда сладок и через минуту, пряча огоньки сигарет в рукавах, бдительные стражи предались вредной привычке.

После этого они немного потравили о службе, новый Витькин знакомец угостил его черным сухарем и парни разошлись каждый к своему трапу.

Между тем сумерки над базой все сгущались, тянущиеся по бетонке вдоль берега фонари стали гореть ярче, и в погоде наметились изменения.

Спустя несколько минут, откуда-то со стороны моря на-

летел шквальный порыв ветра, с неба повалил густой снег и все закружилось в бешеной круговерти.

Это было одно из тех явлений природы, которыми так богат Север, и на местном сленге оно именовалось «заряд».

В вое ветра и сплошной снежной завесе скрылось все окружающее и, цепляясь руками за обледенелые леера трапа, отвернув от секущей крупы лицо и хватая ртом разреженный воздух, Печенкин перебрался по нему на узкий обвод лодки, где укрылся под нависающим сверху громадным пером ручного руля.

Здесь, под защитой высоко вздымающейся в нескольких метрах сзади ракетной палубы было несколько тише, и, прислонившись спиной к настывшему металлу рубки, Витька стал пережидать беснующуюся пургу.

Заряд прекратился так же неожиданно, как и начался.

Последние порывы ветра с воем унеслись в тундру, снежная завеса рассеялась и кругом снова установилась тишина.

В ней резче проявились ночные тени и абрисы заснеженных ракетноносцев, первозданно чистая даль залива и фантастическое нагромождение опоясывающих его скал.

Касавшееся их небо вдруг стало высоким, потом высветлилось, и по нему весело заплясало северное сияние.

Непрерывно меняясь и чуть слышно потрескивая, оно то висело в воздухе фантастическими гирляндами, то вдруг превращалось в подобие фейерверков, то катилось по небу волшебным колесом.

– Это ж надо, – восхищенно шептал Витька, высоко задрав голову и хлопая заиндевелыми ресницами. – Как в сказке...

– Эй, Витек, ну как тебе это чудо! – радостно заорал вахтенный с соседней лодки.

– Красотища! – в свою очередь заорал Витька, продолжая созерцать небесный праздник.

Спустя некоторое время нерукотворные краски стали меркнуть и удаляться за горизонт, потом они превратились в едва заметную игру света и погасли.

– М-да, жалко, – с сожалением пробормотал Витька. Ему хотелось смотреть в небо еще и еще.

– Ну да ничего, – потер он рукавицей замерзший нос. – Впереди у меня еще целых две зимы.

После этого Витька стянул с головы заснеженный капюшон, отряхнул рукавицей такие же штаны и, повертев уставшей от автомата шеей, сошел по сколькому трапу на пирс.

– Гав! – внезапно раздалось со стороны КДП* и оттуда, по наклонной аппарели в его сторону, понеслись две неясных тени.

– ЗдорОво, Бой! – отводя лицо от морды радостно бросившего на его плечи лапы сенбернара, – весело рассмеялся Витька. – Да ты никак с подругой?

– Гав! – ответил тот и, опустивший наземь, согласно завилял хвостом.

Прибежавшая с ним молодая лайка вкусно обюхала Витькины сапоги и сделала то же самое.

– Понял, – сказал Витька, – стянул зубами рукавицу, извлек из кармана канадки два куска сахара и поочередно потчевал им гостей.

Те с достоинством захрустели и стали пускать слюни.

– Ну, как, вкусно? – потрепал Витька за мощную холку сенбернара.

– У-у, – довольно пропел горлом Бой, а его подруга облизнулась и выжидательно уставилась на матроса.

– Все, больше нету, – развел тот руками.

После этого гости поочередно лизнули ему рукавицу и, дружелюбно помахивая хвостами, с достоинством направились ко второму вахтенному.

Та все повторилось, после чего визит закончился и, весело играя, лохматая пара умчалась в тишину ночи.

А она набирала обороты.

Мороз крепчал, и небо украсилось сонмом звезд, ледовый припай вокруг лодки незримо увеличивался, и натягивал швартовы, на которых вырастал пушистый иней.

Витька снова натянул на голову капюшон, подпернул до предела замок канадки и, притопывая сапогами, стал прохаживаться вдоль пирса.

Спустя некоторое время они с Лешкой (так звали соседа) снова подымили в морозном воздухе, лениво перебросились парой фраз и продолжили ночное бдение.

Когда вахта перевалила на вторую половину, ноги у Витьки изрядно настыли, шея и плечи онемели от тяжести авто-

мата, а на едва проклюнувшихся усах закуржавился иней.

– Колотун, бля, – едва ворочая губами бормотнул он, и стал приплясывать на месте.

Минут через пять стало чуть теплее и, наращивая успех, Печенкин заорал матерную песню

Три дня не утихая, бушует океан,
Как хрен в штанах болтается,
Кораблик по волнам!

сипло тянул он, и представлял то, что пел.

– А ну, Витек, давай еще! – донесся от соседней лодки голос Лешки.

– Даю! – утер нос Витька и с воодушевлением продолжил:

В каюте класса первого,
Садко желанный гость,
Гондоны рвет на черепе,
Вбивает жопой гвоздь!

– Это ж надо, душевная какая песня, – проскрипел валенками Лешка к Витьке, когда тот закончил последний куплет. – Перепишешь?

– Можно, – с достоинством качнул тот головой. – После смены.

А ночь снова изменилась.

Теперь с моря прилетел влажный ветер, по небу поплыли облака, и по канадкам моряков забарабанил ледяной дождь

– Не иначе к утру к утру будет оттепель, – утирая мокрое лицо, сказал Лешка.

– Хорошо бы, – кивнул Витька, и они стали слушать, как звенит пирс.

До конца вахты оставался ровно час.

Примечания:

«РБ» – одежда радиационной безопасности на АПЛ (жарг.)

КДП – контрольно-дозиметрический пункт.

Венок на воде

В широкие зеркальные окна учебного цикла главного корпуса «Пентагона»*, выходящие на бескрайнюю даль пролива, льется мягкий свет вечернего заката.

Закончились очередные занятия по изучению нового ракетного крейсера, который ждет нас на стапелях в Северодвинске.

Цикл пуст и только мы со Славкой Гордеевым, оставленные в нем для уборки, завершив работу, сидим на широком подоконнике одного из окон.

Накануне отгремел День Флота и после обычного в таких

случаях парада, экипажи водили на расположенную на берегу шлюпбазу, откуда мы наблюдали за возложением венка на месте гибели подводной лодки.

Туда из Таллина подошел окрашенный в шаровый цвет эсминец, и под бравурные звуки оркестра, на установленный на мертвом якоре буй, был торжественно возложен венок живых цветов.

Потом эсминец, взревев сиреной и заложив крутую циркуляцию ушел в базу, в заливе состоялись шлюпочные гонки и все вернулись в учебный центр.

– Да, – после долгого молчания сказал Славка, вглядываясь во взблескивающую в последних лучах солнца далекую точку на фарватере, – вот так взять и погибнуть в какой-то миле от берега.

Я ничего не ответил, и мы снова замолчали.

...Выполнив очередную задачу предпоходовой отработки, дизельная подлодка «М-200», находясь в надводном положении, следовала по Суурупскому проливу в свою базу Палдиски.

Накануне на лодке был сменен командир – новым стал капитан 3-его ранга Шуманин, ранее служивший на лодках серии «Щ» и «С», но не имевший навыков управления «малюткой». Обеспечивающим офицером на борту находился начальник штаба бригады капитан 2-го ранга Штыков.

В 19.45, на дистанции 40 кабельтовых, вахтенные сиг-

нальщик обнаружил огни встречного корабля. Находившийся на мостике Штыков, верно определивший во встречном корабле эсминец, рекомендовал Шуманину быть внимательным при расхождении, после чего спустился вниз на ужин.

Несмотря на то, что командир эсминца трижды менял курс, уходя вправо, Шуманин продолжал следовать встречным курсом, а на дистанции в 4 кабельтова, вероятно потеряв ориентацию относительно маневра надводного корабля, отдал команду резко повернуть влево, подставив лодку под его удар.

В результате эсминец врезался в правый борт «М-200» в районе 5-6 отсеков. Подводная лодка стала быстро оседать кормой, в течение 6-10 минут дифферент достиг 80 градусов, после чего она стремительно затонула.

На поверхности остались 8 моряков, двое из которых вскоре утонули. Находившиеся в 5 и 6 отсеках шестеро подводников погибли в момент столкновения. На дне, вместе с лодкой, остались 28 членов экипажа, находящиеся в 1,3 и 4-м отсеках.

В 20.00 по таллинской военно-морской базе была объявлена "боевая тревога" и в район аварии начали выходить корабли Восточно-Балтийской флотилии. В 21.05 был обнаружен отданный с лодки аварийный буй и установлена связь с 1-м отсеком, однако к этому времени моряки, находившиеся в 3 и 4-м отсеках уже погибли.

В течение ночи в район аварии вышло 16 спасательных

судов с двумя кранами. Первоначальный замысел командующего флотилией, завести под корпус лодки стропы для буксировки на мелководье с целью вывода экипажа на поверхность, осуществить не удалось. Не сумели организовать и задачу в 1-й отсек воздуха через забортную арматуру.

До этого, в 04.00, подводники сообщили, что они надели спасательное снаряжение и подготовили отсек для самостоятельного выхода на поверхность. Однако, вместо того, чтобы дать "добро", собравшиеся начальники всех рангов принялись совещаться, в итоге чего решение о выводе личного состава было принято спустя почти сутки с момента аварии.

Лодку же планировалось поднять мощными кранами двух спасательных судов.

Начало работ определили на 18.00, однако из-за ухудшения погоды спасательные суда сдрейфовали, и телефонный кабель аварийного буя был оборван. Связь с лодкой прекратилась.

Возобновили спасательную операцию на следующее утро.

В 03.47 спущенные водолазы нашли лодку, и при осмотре корпуса в открытом верхнем люке 1-го отсека был обнаружен мертвый подводник, включенный в ИДА*.

Спасать было уже некого.

После обрыва связи оставшиеся в отсеке подводники поняли, что надеяться не на кого и приняли решение выходить самостоятельно. Однако после длительного пребывания в холодной воде, в условиях высокой концентрации уг-

лекислого газа и давления, моряки лишились сил и мичман, первым вошедший в люк, умер от сердечной недостаточности, закрыв остальным путь к спасению.

Спустя еще шесть дней М-200 была поднята спасательным судном "Коммуна" и отбуксирована в Таллин.

...На море опустились сумерки, и далекая точка на фарватере исчезла.

– Ну, вот и все, – глядя в окно, вздохнул Славка.

– Все, – согласился я.

Где-то тоскливо прокричала чайка.

Примечание:

«Пентагон» – главный корпус атомного учебного Центра (жарг.)

ИДА – изолирующий дыхательный аппарат.

Метель

За окном сумерки полярной ночи, в кабинете рассеянный свет лампы и пыхтение фарфорового чайника на лодочной электрогрелке.

На противоположной стене матово отсвечивает географическая карта Мира, а под ней два сейфа и пустых стола. Оба моих «сожителя» в Северной Атлантике.

Смяв очередной окурок в пепельнице, я встаю из-за за-

валенного бумагами своего, беру стоящую на нем чашку и наливаю туда очередную порцию заваренной до дегтярного цвета жидкости.

Несколько глотков крепкого чифиря вместе с новой беломориной проясняют голову, и в ней снова возникают мысли.

Завтра Новый Год и это радует.

Он первый из последних семи, который, наконец-то, я встречу дома.

Все предшествующие были в казармах, на плавбазах, общежитиях и гостиницах.

Всхлипнув от удовольствия, я тяну к себе очередную, с грифом «секретно» папку и продолжаю оперативное творчество.

Спустя час оно прерывается резким звонком и, чертыхнувшись, я поднимаю трубку.

– Здорово! – слышен в ней бодрый голос дежурного по Особому отделу флотилии, моего однокашника Васи Нечая. – Ну, как дела?

– Дела у прокурора, – бурчу я. – У меня делишки.

– Придется отложить, дуй к нам, тебя адмирал вызывает.

– Понял, – бормочу я, хотя ничего не понимаю.

Драть меня вроде не за что, показатели в порядке и через неделю предстоит автономка, а для инструктажа рано, он в день выхода.

– А ты не зна....

– Пи-пи-пи, – отвечает трубка, и я кладу свою на рычаг.

Спустя пару минут, очистив стол и заперев стальной сейф, я напяливаю на голову шапку (флотилийская контора в пяти минутах хода) и спешу по пустынному коридору к выходу.

– В отдел флотилии, – бросаю скучающему у тумбочки вахтенному и нажимаю кнопку автоматического замка.

Далее гул бетонных маршей лестницы, хлопок пружинной двери за спиной и легкие наполняются морозным воздухом.

Скрипя ботинками по снегу, я рысцой трушу между двумя рядами казарм в сторону высящейся на берегу залива светлой многоэтажки, изредка бросая взгляды по сторонам.

В базе завершается суточный оборот службы, из чернеющей вдали режимной зоны*, в направлении парящего на сопке камбуза целеустремленно шествуют экипажи, на высоком, темно-фиолетовом небе, зажигаются первые звезды.

Пересчитав скользкий гранит ступеней, я шаркаю подошвами по лежащему на крыльце резиновому коврику, тяну на себя упругую дверь и захожу внутрь.

Там тепло, блеск линолеума и усатый Нечай в комнате дежурного.

– Как он? – жму приятелю руку и киваю в сторону начальника кабинета

– Нормально, – встает тот со стула и поддегивает тяжелую кобуру. – Давай быстрее, топай.

Я водружаю шапку на вешалку, быстро приглаживаю волосы и следую по длинному, с десятком выходящих в него дверей коридору.

Перед самой высокой и обитой черным дерматином оста-навливаюсь, вдыхаю в грудь воздуха, и ступаю в полумрак тамбура.

– Да, – глухо слышится после стука, и я вхожу в кабинет.

Он громадный, с бардового цвета ковровой дорожкой, светлой полировки мебелью и портретом железного Феликса на стене.

– Давай, Королев, присаживайся, – изрекает сидящий под портретом человек и, подойдя ближе, я осторожно усаживаюсь на один из приставных стульев.

Еще с минуту Василий Ефимович просматривает какую-то бумагу из лежащей перед ним папки, затем что-то пишет в левом верхнем углу и откладывает ее в сторону.

– Ну, как дела, к выходу готовишься? – вскидывает на меня серые глаза и барабанит пальцами по столу.

– Точно так, полным ходом, – киваю я, и делаю решительное лицо.

– Добро, – скрипит кожей кресла Худяков. – А квартиру как, обживаешь?

– Уже – отвечаю я. – Спасибо.

С месяц назад, его заботами, мы с Нечаем переселились из семейного общежития в две служебные квартиры, что по военным меркам дорогого стоит.

– Ну-ну, – благодушно гудит начальник, – а теперь перейдем к делу.

Две наших лодки стоят на ремонте в Сайде, утром 31 вы-

едешь туда и обеспечишь наше присутствие. – Что б там был порядок и никаких ЧП.

– Понял, – отвечаю я. – Будет сделано.

– Дежурный к восьми подойдет тебе «УАЗ», ну а вернешься к вечеру первого. Вопросы?

– Вопросов нет. Разрешите идти?

– Можешь, – протягивает мне через стол руку адмирал. – С наступающим Новым Годом.

Только в коридоре я осознаю все в полной мере и тяжело вздыхаю.

Новый Год накрылся, и встретить мне его придется в прочном корпусе. Вместе с теми горемыками, что в Сайде.

Впрочем, к таким вводным я давно привык, только жаль Татьяны, она так надеялась.

– Что, уестествил? – сочувствующе встречает меня Нечай.

– Наоборот, поздравил, – напяливаю я на голову шапку. – И приказал завтра быть в Сайде, вроде Деда Мороза.

– М-да, – жует губами Василий. – Не повезло.

В десять вечера, покончив с бумагами и одурев от писанины, я опечатаваю сейф, тушу свет в кабинете и, сдав ключи вахтенному, покидаю отдел.

Добраться в поселок можно двумя путями, низом – через режимную зону, вдоль залива, с выходом к центру, и верхом – по серпантину, а потом через сопку прямо на «вертолетку», где мы с Татьяной теперь проживаем.

Ночь выдалась погожей, и я выбираю серпантин, путь по

нему короче.

Ночная тишина и безлюдность располагают к размышлениям, морозный воздух бодрит, а окружающий пейзаж впечатляет.

Справа, внизу, в легких волнах тумана, черная гладь залива с застывшими у пирсов телами ракетносцев, слева, до горизонта, цепь заснеженных сопок, и над всем этим купол неба, с холодно мерцающими с высоты звездами.

Под каблуками визжит снег, мороз усиливается, и я опускаю уши шапки.

Спустя час, влажно паря ртом и смахнув иней с заиндевевших ресниц, я вхожу в подъезд своей пятиэтажки, поднимаюсь на второй этаж и давлю кнопку звонка на своей двери.

За ней тепло, запах чего-то вкусного и улыбающееся лицо жены в передничке.

Чуть позже я с аппетитом наворачиваю суп, потом свои любимые пельмени и думаю, как сообщить Тане о предстоящем вояже.

Она у меня с понятием, но все же.

Новость сообщается, улыбка исчезает, и я огорченно хлопая глазами.

Это наш первый Новый год в новом качестве, так хотелось встретить его вместе, и теперь облом. Полный.

Перед утром я просыпаюсь от холода и воя ветра за окном, накрываю жену вторым одеялом, потом сую ноги в тапочки и чуть отодвигаю штору.

За расписанным морозом стеклом круговерть снега, неверные блики фонарей меж домами и сплошная пелена за ними.

Набросив на себя плед, направляюсь на кухню, щелкаю выключателем и трогаю батарею.

Она холодная, а у потолка, по углам, иней.

Все ясно. Где-то очередная авария.

В Заполярье это в порядке вещей. Теплотрассы проложены на рьяжах* поверх скал, и при резких перепадах температур металл часто оказывается слабее.

Я включаю на электроплите все конфорки, ставлю на одну чайник, закуриваю и наблюдаю, как они становятся малиновыми.

В семь утра, одев на себя все теплое, мы слушаем по радиоточке «Маяк» и завтракаем, а потом ждем прибытия машины.

Ровно в восемь звонит телефон и в нем возникает голос нового дежурного Толи Федченко.

– Привет, Валер. Ну что, готов к труду и обороне?

– Вроде того, где транспорт?

– Пока откладывается. На Кольском объявлено штормовое предупреждение. Звонил адмирал, приказал ждать.

– Ясно, – говорю я и кладу трубку.

Таня вопросительно на меня смотрит, и я сообщаю ей о том, что услышал.

– А штормовое предупреждение это что? – широко рас-

пахивает она глаза.

Я подробно объясняю, и жена понимающе кивает золотистой челкой.

Потом начинаются томительные часы ожидания, и время словно бы замирает.

Точно сказал один из героев Шолохова. «Нет ничего хуже, чем ожидать и догонять».

С показным интересом мы смотрим недавно купленный телевизор, затем обедаем и выпиваем по рюмке коньяка, от простуды.

А метель между тем свирепствует.

На кухне тонко дребезжит одно из стекол, надо будет закрепить, за окном растут сугробы, а на крыше дома напротив гремит лист сорванного железа.

Если у вас нету дома,

Пожары ему не страшны,

И жена не уйдёт к другому,

Если у вас, если у вас,

Если у вас нет жены, нету жены...

с чувством поет в телевизоре похмельный Мягков, и мне

становится грустно.

В отличие от него у меня все это в наличии, но есть еще и приказ – непременно быть в Сайде. А это не Москва или Питер. Там чудес не бывает.

Впрочем, как и раньше, комедия затягивает, и мы на время забываемся.

Потом смотрим «Белое солнце пустыни», с его неподражаемыми колоритом и диалогами героев, после чего я связываюсь с отделом, узнать обстановку.

Все по прежнему, никаких указаний не поступало.

– А еще баржа с елками и хлебом застряла в Полярном, – сообщает Толя. – Судходство закрыли до особого распоряжения. – У тебя как, елка есть?

– Нету, – говорю я. – Откуда?

– И у меня нету, – вздыхает Федченко. – Все так ждали эту баржу.

Спустя полчаса в дверь кто-то звонит, и я открываю.

На пороге расстроенная соседка.

У нее муж в море и сорвало кран горячей воды на кухне. Нужна помощь.

– Щас, – говорю я и направляюсь к кладовке.

В течение следующего часа, перекрыв стояк, я вожусь с ее краном, устраняю поломку и проверяю – все в порядке.

Затем мы поздравляем друг друга с Новым Годом, а сидящая на руках у соседки малыш, радостно визжит и пытается схватить меня за нос.

– Хороший какой мальчик, – показываю я ему «козу».

– Девочка, – улыбается соседка. – Анечка.

Когда время приближается к двадцати трем, затянувшееся ожидание прерывает телефонная трель, и я поднимаю трубку.

– Отбой, лейтенант – слышен издалека голос Толи. – «Ветер раз»* отменили.

– Наконец-то, высылай машину.

– Ее не будет, – смеется Федченко. – Звонил адмирал, можешь праздновать.

– Точно?

– Точнее не бывает, с Новым тебя Годом!

– И тебя! – радостно ору я. – С меня причитается!

– Ты слышала? – оборачиваюсь я к жене и встречаюсь с ее лучистым взглядом.

Чуть позже мы начинаем вооружать праздничный стол, и тут обнаруживается, что в доме нет хлеба.

– Не беда, – напяливаю я на себя канадку, – шас смотаюсь.

Спустя минуту, прихватив авоську, я лихо скатываюсь вниз, с натугой отжимаю заметенную снегом дверь и изумленно застываю на пороге.

На дворе прекрасная лунная ночь, в небе сияют звездные россыпи, а под ними, в неподвижном воздухе, хаос мерцающих искрами сугробов.

Со стороны Дома офицеров доносятся звуки оркестра, и во всех концах поселка слышен веселый скрип снега.

Оставив позади широкий деревянный трап с поручнями и едва угадывающимися на нем ступенями, я направляюсь по уже проторенной кем-то тропинке к дежурному магазину и, войдя туда, спрашиваю у размалеванной продавщицы хлеба.

– Нету, – следует ответ. – Должны привезти в 13-й.

Тринадцатый это хлебный киоск, находится в самом центре поселка, сзади универсама, и я направляюсь в ту сторону.

Миновав заснеженную площадь, с установленной в центре мигающей огоньками елью, где уже орудуют лопатами пару десятков моряков, я обращаю внимание на то, что от разных домов, в том же направлении, движутся еще какие-то тени.

– Конкуренты, – мелькает в голове, и я прибавляю ходу.

Когда прибываю туда, у киоска, вдоль уже расчищенной трактором улицы, чернеет и змеится солидная очередь.

Вся без исключения мужского пола и весьма нервная.

– Давай, открывай! – орут впереди сразу несколько голов, и кто-то гулко стучит кулаком в закрытое окошко.

В ответ тишина, очередь волнуется, дымится сигаретами и становится больше.

Вдруг с высокой снежной насыпи, что рядом, в ее сторону катится громадный, красного шелка мешок, за ним оттуда же горизонтально скользит визжащая Снегурочка, а вслед за ней кувыркается здоровенный Дед Мороз.

– Лихо! – в один голос выдыхает очередь, и кто-то даже хлопает в ладоши.

Между тем сказочные персонажи поднимаются, Дед с минутой очумело пялится по сторонам, а потом замечает нас и оглушительно гаркает, – ЗдорОво дети!

– И тебе не кашлять! – смеются в очереди, и она добреет.

Потом Дед шмякает мешок на загорбок, Снегурочка обнимает его за талию и, вопя в унисон, «Хмуриться не надо Лада!» – парочка, вихляясь, следует к очередному дому.

– Не дойдут, – с сожалением говорит стоящий впереди меня бородач. – Хана подаркам.

– Дойдут, – потирая рукавицей замерзшее ухо, возражает его сосед. – Это наш минер, его хрен свалишь.

В следующую минуту окошко открывается, оттуда веет свежеиспеченным хлебом, и первые счастливицы живо рысют к своим домам, бережно унося желанную добычу.

Спустя минут двадцать, я тоже затариваюсь двумя теплыми «кирпичами», чуть отщипываю у одного, и, бросив душистый кусочек в рот, топаю в обратном направлении.

Когда взбираюсь на верхнюю площадку трапа, над поселком вверх взлетает каскад сигнальных ракет и где-то орут «ура!»

– Неужели опоздал?!

Я останавливаюсь, поддергиваю рукав и гляжу на фосфоризирующие стрелки.

До Нового Года еще целых пять минут.

Мадонна

– Королев! – рявкает командный голос со стороны офицерского коридора, я с сожалением шлепаю зажатые в руках костяшки домино на стол и, под недовольное брюзжание партнеров, спешу на голос.

– Значит так, – критически оглядывает меня стоящий у открытой двери офицерской каюты мой «бычок» капитан-лейтенант Пыльников. – Давай быстро переоблачайся в форму «три»*, сопроводишь меня в поселок.

– Есть, радостно вякаю я, и шаркаю тапками в сторону баталерки.

Сегодня воскресенье, на дворе весна и в казарме скучно.

В баталерке, склонившись над стрекочущей машинкой, штурманский электрик и наш внештатный портной Иван Лука, сооружает очередные морские клеша.

Здесь же, напротив, устроившись на банке*, на него трепетно взирает очередной клиент, а на широком подоконнике, привалившись к косяку, радиометрист Серега Кокуйский, лениво перебирает струны пестрящей наклейками гитары.

– Ты куда это намыливаешься? – интересуется Серега, видя, как сдернув с высокого стеллажа тремпель, я начинаю переодеваться.

– В поселок, – натягиваю через голову тесную форменку. – «Бычок» приказал.

– Считаю повезло, – отрывается от своей машинки Лука

и звонко щелкает пальцами.

Клиент – химик Витька Полдушев, быстро извлекает из кармана робы сигарету, уважительно передает ее мастеру и подобострастно чиркает спичкой.

– М-м-м, – окутавшись дымом, довольно мычит Лука, и таинство продолжается.

Через пять минут, защелкнув на шинели ремень и шаркнув напоследок бархаткой по ботинкам, я подхожу к двери офицерской каюты и стучу пальцем в дверь.

– Ну что, готов? – блестя золотом погон на парадной тулупе, возникает в проеме Сергей Ильич. – На вот, держи. И сует мне в руки объемистую коробку.

Судя по весу и звяку, в ней что-то тяжелое и хрупкое.

Потом он исчезает и вскоре появляется в шинели и мичманке с «крабом», – пошли.

Скрипя ботинками по навощенному до блеска паркету, мы идем по офицерскому коридору, затем по широкому проходу матросского кубрика, уставленного по сторонам двух ярусными кроватями и, миновав скучающего у тумбочки дневального, выходим на лестничную площадку.

– Неси осторожно, – многозначительно поднимает вверх палец Пыльников. – Там, – кивает на ящик, – мадонна.

– Есть! – проникаюсь я сознанием и крепче перехватываю опоясывающий его шпагат.

Потом мы спускаемся по гулким маршам с пятого этажа, Сергей Ильич гундит под нос какую-то мелодию, а я, топая

сзади, размышляю, что же такое в ящике.

Исходя из моих познаний, мадонна смазливая девица, изображаемая художниками, вроде итальянцами. Но если так, то почему звякает? Непонятно.

Когда выходим из казармы, капитан – лейтенант, словно читая мои мысли, интересуется, знаю ли я что такое мадонна?

– А то, – солидно, отвечаю я, и излагаю свое видение вопроса.

– Ну что же, ход твоих мыслей в принципе верен, – полубернувшись ко мне, изрекает «бычок». – Только в данном случае это кофейный сервиз. У подруги моего приятеля торжество, купил по случаю в Мурманске, в «Березке».

– За валюту? – переложив коробку из руки в руку, уважительно интересуюсь я.

– Ну да, – щурится он на весеннее солнце. – Для такой женщины не жалко. Она известная актриса. А зовут Наталья Варлей.

– Ух ты! – удивленно пучу я глаза. – Это ж надо!

Фильм «Кавказская пленница» пользуется на флотилии неизменным успехом, его постоянно крутят на бербазе, а экипажи лодок берут с собой в автономки.

Зимой прошел слух, что Варлей видели в поселке, но все посчитали это очередной байкой. Оказывается, нет.

От предвкушения возможной встречи я даже всхлипываю и представляю, как все мне будут завидовать.

Но в голове сразу же возникает мысль, а не «разводит» ли меня «бычок»? Как водится на флоте, Пыльников горазд на розыгрыши и за ним не заржавеет.

– А вы того, не шутите, а, товарищ капитан-лейтенант? – чаще я ногами рядом с офицером, с надеждой заглядывая ему в глаза.

– У нас, Королев, только боцман шутит, – следует невозмутимый ответ. – Да и то, если с глубокого похмелья.

Поверив командиру на слово, я успокаиваюсь, снова включаю воображение и рисую в голове заманчивую картину встречи с кинодивой.

Получается хорошо, и я едва не роняю коробку.

– Я ж сказал осторожно! – аж подсигивает на месте «бычок». – Ни хрена кроме железа доверить нельзя!

Оставшийся отрезок пути мы идем молча, каждый занятый своими мыслями.

Миновав базовый Дом офицеров, у которого стоят несколько автомобилей и дефилирует празднично одетая публика, мы пересекаем обширную площадь, следуем к одной из пятиэтажек, заходим в пахнущий кошками подъезд и поднимаемся на площадку третьего этажа.

– Дзен-нь, – певуче доносится из-за оббитой дерматином левой двери, после нажатия «бычком» кнопки.

Вслед за этим внутри лязгает замок, она широко открывается и в проеме возникает рослый детина.

– О, Серега, проходи! – радостно гудит он. – Наташа,

встречай гостя!

Откуда-то из глубины квартиры цокают каблучки, и в ярко освещенной прихожей появляется та, в которую мы влюбляемся на экране.

– Привет, Сережа, – хлопают пушистые ресницы и, приподнявшись на цыпочках, актриса чмокает моего командира в щеку.

– Ой, а это, что за мальчик? – обращает она на меня взгляд, и на щеках играют ямочки.

– Это не мальчик, а мой торпедист, – значительно изрекает Сергей Ильич. – Давай, Королев, заноси, – и делает соответствующий жест.

Я деревянно перешагиваю порог, осторожно ставлю у стены коробку и, сглотив слюну, с видом идиота плююсь на красавицу.

Она почти такая же, как в кино, только еще лучше и без Шурика.

Это явно веселит присутствующих, вся тройка переглядывается и весело хохочет.

После этого Наташа благодарит Пыльникова за подарок, а мне на прощание подает руку.

Она маленькая и изящная, как бы не раздавить.

– Ну, все, Королев, а теперь дуй через сопки в часть, – делает начальственное лицо Сергей Ильич.

Да смотри патрулю не попадись, понял?

– Точно так, – с сожалением отвечаю я, и, оглядываясь,

выхожу на лестничную площадку.

Дверь за мной закрывается и сказка заканчивается.

А спустя месяц, на предпоходовой отработке в море, «бычок» под настроение рассказал, что Наташи в гарнизоне больше нет.

Не понравилась ей северная романтика.

Примечания:

Форма «три» – одна из разновидностей морской формы.

Банка – табурет с отверстием в крышке. для переноски.

Бычок – командир боевой части (жарг.)

Рубль на счастье

– На Фла-аг и Гюйс*, смир-рна! – разносится из боевой трансляции над еще спящим заливом.

Застывшие вдоль бортов синие шеренги чуть вздрагивают, подбородки задираются в высокое небо, в ушах звон секундной тишины.

– Фла-аг и Гюйс поднять!

Сотни глаз пялятся на флагштоки, по которым вверх ползут свернутые алое и сине-белое полотнища, потом они разворачиваются легким бризом и гордо реют в носу и на рубке плавбазы.

– Во-ольно! – следует завершающий аккорд, и день начинается.

Стоящие поодаль от нашей, шеренги распадаются, экипажи гремят сапогами по еще влажному от утренней приборки деревянному настилу палубы и скатываются по крутому трапу вниз, потом строятся и, один за одним, исчезают в утренней дымке.

Наш остается на месте, и к тому есть причины.

Сегодня состоится спуск на воду нового подводного ракетносца, который экипажу надлежит принять и испытать в море.

Сформированный год назад, он прошел обучение в атомном учебном центре Палдиски, затем стажировался на однотипных кораблях 3 флотилии Краснознаменного Северного флота и оттуда прибыл в Северодвинск для завершения «большого круга»*.

Накануне, в городской сберкассе, замполитом получены сто двадцать серебряных рублей, которые, по старой флотской традиции, должны лечь на рельсы стапеля, откуда наш корабль впервые выйдет в море.

Когда причал пустеет, облаченный в парадный мундир командир обращается к экипажу с короткой напутственной речью, потом кивает старпому и тот бросает, – всем вниз!

У высокого, окрашенного в шаровый цвет борта «Иртыша» мы строимся и походной колонной, во главе с офицерами, направляемся в сторону КПП, из-за которого поднимается солнце.

Его лучи весело сияют на золоте офицерских погон, мич-

манских шевронов и кортиков, легкий ветерок играет муаром матросских, с якорями, лент.

– Шире шаг! – командует идущий справа старпом, и колонна прибавляет ходу.

Гул причала сменяется скрипом дорожного гравия под ботинками, и строй подходит к КПП.

– Красавцы, – подняв вверх полосатый шлагбаум, умиляется пожилая «вохра» в брезентовом плаще и с допотопным наганом на ремне.

В задних рядах смеются, и старпом делает зверское лицо. Теперь под ногами серая лента асфальта и мы выходим в город.

Обычно, в целях экономии времени, экипаж следует на завод вдоль побережья, минуя базовые склады и молодой парк, но сегодня день особенный, и мы идем через центр.

Шагающие впереди и сзади строя «флажковые», при необходимости предупреждают движение автотранспорта, а изредка встречающиеся прохожие со значением улыбаются.

Многие из них работают на заводе и знают, что означает такое шествие.

У обширной, со стеклянными дверьми проходной, следует команда – «стой!», и под пристальными взглядами охраны, мы минуем турникеты.

Территория СМП* впечатляет размерами и тем, что внутри.

Фактически, это город в городе, со своим портом, мно-

гочисленными цехами, ЭЛЛЕНГАМИ и доками, в которых чернеют тела строящихся или находящихся в ремонте атомоходов.

По всей его обширной, утопающей в зелени территории ходят автобусы, снуют грузовые автомобили и целеустремленно следуют группы людей, облаченных в синюю униформу.

За проходной мы снова строимся и, печатая шаг, движемся по центральной аллее в направлении причальной стенки, потом звучит команда – «левое плечо вперед!» и строй шагает вдоль нее.

У причалов, рядом с дебаркадерами, под сеткой камуфляжа застыла «золотая рыбка»*, на корпусах двух соседних лодок всплескивают блики сварки и стучат пневмомолотки, завод кует ядерный щит Родины.

Потом мы приближаемся к громадной коробке расположенного вблизи залива 50-го цеха, в котором укрыт наш ракетоносец и ступаем под его высокие своды.

То, что перед нами, похоже на иллюстрации из романа Свифта.

Только вместо Гулливера, на установленных на рельсах массивных тележках, возлежит черная химера левиафана,* а вокруг, на платформах и смотровых площадках, толпятся группы тех, кто его создал.

Экипажу определяют место в непосредственной близости от корабля, затем равняют по линейке, и командир с зампо-

литом отправляется для отдания рапорта на площадку, где стоит высокое начальство.

Оно представлено целым сонмом адмиралов, гостями из Москвы и руководством предприятия.

Здесь же, чуть в стороне, блестит медью военный оркестр. Пока тянется подготовительная часть, по знаку помощника (вопрос согласован с заводчанами), два наших мичмана быстро укладывают на рельсы перед тележками заветные рубли, а мы, задрав головы, с восторгом глазеем на корабль и ждем торжественного момента.

Наконец в цехе гулко щелкает, где-то вверху с расстрелов срывается стайка воробьев, и начинается посвященный знаменательному событию короткий митинг.

Слово поочередно берут директор предприятия, главный конструктор проекта и Главком ВМФ.

Речи двух первых завершаются аплодисментами гражданских, а на поздравления Главкома мы набираем в грудь воздуха и оглушительно орём троекратное – «ура!».

Затем наступает кульминация действия, кто-то из офицеров штаба вручает командиру бутылку шампанского, и тот направляется к выпуклому борту ракетноносца.

Взмах руки, искры осколков и белая пена на корпусе. – «..рра!!» мешается с громом государственного Гимна, тележки чуть вздрагивают и махина крейсера почти неощутимо начинает свой ход по рельсам.

Потом он убыстряется, корабль выплывает из-под высо-

ких сводов и величаво катится к родной стихии.

Еще десяток секунд, тупой форштевень гонит впереди громадную волну, и аспидная туша замирает на водной глади.

Вывалившие из цеха гражданские довольно улыбаются, что-то кричат и пожимают друг другу руки...

Спустя полчаса, оставив на пришвартованном к стенке корабле первую вахту, мы рубим строевым по весеннему городу.

У каждого в зажатой ладони расплющенный рубль.

Рубль на счастье.

Примечания:

– Гюйс – красный флаг со звездой в центре. Поднимается только на кораблях 1-го ранга.

– «Большой круг» – время от формирования нового экипажа до приемки им корабля (жарг.)

– СМП – Северное машиностроительное предприятие.

– «Золотая рыбка» – титановая АПЛ впоследствии погибшая в море.

– Левиафан – морское эпическое чудовище.

Помывка

– Команде построиться для перехода в баню! – простужено орет дневальный и, спустя пять минут, на среднем проходе кубрика, вдоль двух ярусных коек, изображая строй, гогочут и пихаются локтями четыре десятка здоровых лбов.

– А-атставить базар! – голосит появившийся из каюты дежурного офицера строевой старшина Жора Юркин и неспешно дефилирует вдоль первой шеренги.

Вечер субботы. Мы только что вернулись с ужина и впереди помывка личного состава.

Какой военный ум придумал это романтическое словосочетание, мы не знаем, но звучит оно заманчиво и приятно.

И это понятно, если учесть, что все предшествующие дни мы корячимся в прочном корпусе или болтаемся в море, сдавая очередную «задачу».

Когда-то в другой жизни, будучи призванными с гражданки и считая себя индивидами, мы с предубеждением относились ко всему коллективному, но это дурь в учебных отрядах быстро выбили, и теперь мы радовались всему, что требовало «чувство локтя».

А на флоте оно действительно требовало и везде.

Будь то корабельный аврал или тревога, экстренный выход в море или вот эта самая «помывка».

Индивидуально это хрен осилишь, а вот коллективно, да. Проверено.

Вслед за Юркиным перед строем возникает лодочный врач Алубин (мы его называем Айболит) и, окинув всех про-

фессиональным взглядом, интересуется, обеспечена ли команда всем необходимым.

– Ну да, – солидно кивает Жора. – Мыло, белье и мочалки в наличии.

– Так, а почему я не вижу Чепурных? – тычет старлей в шеренги пальцем.

– Вот сука, опять сбежал, – злобно шипит Юркин. – Иконников, Свеженцев, срочно найти!

Гремя сапогами, те уносятся в сторону длинного коридора, в котором расположены бытовые помещения, а строй радостно оживляется.

Спецтрюмный Сашка Чепурных, по кличке «Желудок», очень яркая личность.

Помимо хронической лени и нелюбви к службе, он отличается удивительным прожорством и водобоязнью.

Последнее проявляется в хроническом нежелании мыться и, тем более, ходить в баню.

Вот и в этот раз, пользуясь случаем, Желудок куда-то зашхерился* и, скорее всего, мирно поживает в ожидании завтрака.

Минут через пять после исчезновения гонцов, из самого дальнего помещения, где расположена баталерка*, доносятся душераздирающие вопли, а потом из коридора появляются Иконников со Свеженцевым, волокущие под руки упирающегося Желудка.

Под дружный гогот и подначки, его водворяют в строй,

после чего Алубин благодушно кивает, и, расхаживая перед строем, произносит краткую речь о пользе личной гигиены, и последствиях ее несоблюдения.

В завершение он уничижительно глядит на Желудка, обещает заняться им лично и начальственно кивает Юркину, – можно вести.

После этого следует команда, прихватив все необходимое, мы напяливаем на себя шинели, шлепаем на головы шапки и, весело гогоча, вываливаем на лестничную площадку.

Затем гул ступеней лестничных маршей, пушечный хлопок пружинной двери казармы, и легкие наполняются морозным воздухом.

Над казарменным городком фиолетовое с дымкой небо, слева заснеженная гряда скал и внизу желтый свет теряющихся вдали фонарей.

– Шире шаг! – орет рысящий сбоку Жора и над строем клубится пар от дыхания.

Одноэтажная, красного кирпича баня, приткнулось под сопкой у камбуза, рядом с пекарней, из высокой трубы которой вверх поднимается белесый столб дыма.

На подходе к месту мы встречаем строй уже помывшихся. В отличие от нашего, он едва плетется, чуть парит и довольно лается.

– О, миловановцы чапают! – радостно орут оттуда и пронзительно свистят.

Поравнявшись, мы обмениваемся солеными шутками,

кто-то из наших залепляет одному из свистунов снежком в лоб, и, под дружный хохот, команды расходятся.

А чуть позже, довольно сопя и потирая рукавицами замерзшие щеки, мы вваливаемся в жаркий предбанник.

В нем приглушенный свет ламп в жестяных абажурах под потолком, пахнет мылом и почему-то яблоками. Вдоль стен вешалки, а под ними крашенные дубовые диваны, с вырезанными на них ножами изречениями вроде «Здесь был Вася», «Чичкарев мудака» и многочисленными «ДМБ», начиная с пятидесятых годов.

Кто такой Вася и те парни, что уволились в запас еще до нашего рождения, мы не знаем, а Чичкарев – начальник гарнизонной «губы»*, на которой побывали многие.

Через минуту предбанник темнеет от увешанных на крючках шинелей, под веселый треп мы стягиваем с себя сапоги с робами и прочее, после чего, оставив добровольно вызвавшегося Желудка их охранять, прихватываем мочалки с мылом, и, толкаясь, спешим в моечную.

Там еще жарче, вверху плавают остатки пара, из облицованных кафелем стен торчит десяток медных кранов, а на низких каменных скамьях горки уложенных друг в друга шаек.

Последние мгновенно расхватываются, вентили кранов открываются, и помещение тонет в молочном тумане.

Вокруг мелькание мускулистых торсов, крики и веселый мат.

Отдав дань первым шайкам с горячее водой, мы низвергаем их на головы, снова наполняем и шоркаем себя намыленными мочалками. Затем делаем очередной заход и трем друг другу спины.

– Эх, шас бы веничек! – мечтательно басит докрасна надраенный, здоровенный Венька Кондратьев, распластавшись на одной из скамеек.

– А затем пивка с воблой и Манечку! – вторит ему сидящий рядом Славка Кокуйский, густо намыливая голову.

Верно мыслишь, Слава, – бубнит возникший рядом Витька Дараган и, подмигнув соседям, ловко умыкает у того шайку с водой.

Завершив процесс, Кокуйский лапает вокруг руками, и, не найдя емкости, смахивает с глаз пену.

Потом его лицо кукужится, постепенно превращаясь в морду и с ревом, – отдайте шайку, курвы!! – Славка вскакивает и пытается схватить кого-нибудь из расположившихся рядом.

Но не тут-то было. Все мокрые, скользкие и с хохотом уклоняются. Наконец страдалец натывается на полную шайку, плещет в лицо горстями воду и, изрыгая маты, грозит измордовать обидчика.

Но того нету. Все чинно моются.

– Ничо, за мной не заржавеет, – демонстрирует залу кулак Славка и, косолапя, возвращается на свое место.

Смыв с себя трудовой пот недели, мы чувствуем себя бла-

гостно и начинаем мыться не спеша.

Побулькивая, наполняются горячей водой шайки, размеренно шаркают по раскрасневшимся телам мочалки, возникает неизменный морской треп.

Кто-то вспоминает баню в Палдиски, и все довольно скалятся.

Она была городской, и туда водили экипажи.

Один раз, по ошибке, Димка Улямаев попал в женскую моечную, и две молодые эстонки гнались за ним с вениками до нашей.

Потом мы долго спорили для чего – отхлестать или утащить обратно?

– Так, а про Желудка – то мы забыли, говорит Серега Корунский, задумчиво шевеля пальцами ног в парящей шайке.

– Точно! – подпрыгивают сразу несколько голосов. – Пора и ему помыться!

Жора приказывает сменить Чепурных, и все радостно оживляются. Предстоящий спектакль повторяется каждую неделю и в разных вариациях.

В этот раз Сашка появляется в моечной добровольно, подозрительно всех оглядывает и, сделав мученическую рожу, тянет со скамьи одну из шак.

Затем, он наполняет ее горячей водой из крана, разводит холодной и, гадливо морщась, тычет в емкость пальцем.

– Как водичка, Санек, мокрая? – спрашивает его кто-то.

– Да пошел ты, – шипит Желудок, после чего чуть плещет

на скамью и плюхается на нее задом.

Потом, зачерпнув ладонями, он чуть смачивает голову, затем лицо и, судя по всему, собирается завершать омовение.

Но не тут-то было.

По знаку Юркина трюмного сгребают несколько крепких рук, сытенское тело шлепают животом вниз, и начинается процесс принудительного купания.

Для начала орущего благим матом Сашку с ног до головы мылят, затем обильно окатывают из шаек и снова трут мочалками. Все это время он вырывается, сучит голенастыми ногами и, как говорят на гражданке, «выражается».

– Невоспитанный какой мальчик, – благодушно гудит ближайший друг Желудка Свеженцев, низвергая на приятеля очередную посудину. – Ща ты у нас будешь чистый и красивый!

После этого пациента отпускают, отплевываясь, тот принимает вертикальное положение, выдает последний сногшибательный спич, и, дрожа розовыми ляжками, галопирует в сторону двери.

– Красавец! – умиляются окружающие и живо обмениваются впечатлениями.

– Не иначе у него в роду был кто-то из ненцев, – многозначительно изрекает Димка Улямаев.

– Это почему? – интересуются сразу несколько голосов.

– Да они тоже мыться не любят. И делают это раз в году.

– Иди ты! – пучит глаза Славка Гордеев.

– Сам иди, – презрительно сплевывает Димка.

– Вот пасет этот самый ненец всю зиму оленье стадо в тундре, а весной приезжает в стойбище. Садится, значит, у очага в чуме и наворачивает под спирт килограммов пять мяса.

– Почти как наш Желудок, – смеются окружающие. – Давай, трави дальше.

– А потом говорит жене, буду мыться, – не обращая внимания на реплику, продолжает Димка.

– Та сразу же тащит ему несколько малиц, это у них шубы такие, ненец напяливает их на себя, выходит из чума и начинает вокруг него бегать.

– Вокруг чума, в шубах?! МолодцА! – восхищаются слушатели. Ну- ну, и что дальше?

– И бегаёт он так, пока не вспотеет, – невозмутимо продолжает Улямаев. – А потом лезет внутрь, раздевается догола, и жена драит его костяным ножом как мы медяшку. Потом сжигает всю хурду*, что была на муже, и даёт ему новую, до следующего года.

– Да ладно, Дим, будет заливать, – не верит возлежащий неподалеку Саня Ханников.

– И ничего он не заливает, – ввязывается в беседу, как всегда серьёзный Витька Лебедев. – Я когда учился на геолога, был два месяца на практике на Таймыре. Зимой они именно так и моются.

– Надо просветить Желудка, пусть возьмет на вооруже-

ние, – предлагает кто-то из парней. – Во, будет потеха!

– Не надо, – решительно заявляет Жора. – Оленины у нас нету, а спирт мы и сами выпьем. Ну, все, братва, кончай травить, почапали в казарму.

Когда распаренные и перевозданно чистые мы выходим из бани, на дворе стоит ночь.

Высоко в небе блещут звезды, снег весело искрится и пахнет яблоками.

– Красота! – довольно бубним мы и дышим полной грудью.

Внезапно ноздри улавливают дразнящий запах, все поворачивают головы в сторону пекарни и непроизвольно сглатывают слюнки.

– Так, – сбивает на затылок шапку Жора. – Витек, дуй по быстрому к кормильцам, а остальным перекур.

Витька Допиро молча кивает и направляется к пекарне, а мы окружив стоящий у крыльца под фонарем «обрез»*, извлекаем из карманов сигареты и чиркаем спичками.

Минут через пять из темноты возникает Витька, принесенные им три горячих «кирпича» по братски делятся, и мы с наслаждением жуем кисловатый мякиш.

– Да, Шурик, это будет лучше пирожных, – хлопает довольного Желудка по плечу Вовка Марченко и сует тому еще кусок.

– Угу, – мычит Желудок и откусывает поочередно сразу от двух.

– Ну, все, кончай припухать! – дососав бычок, швыряет его в обрез Жора.

– В колонну по четыре стройся!

Все привычно занимают свои места, потом следует очередная команда, и сорок пар ног размеренно шаркают по наледи.

– Может того, споем? – предлагает кто-то, и Юркин согласно кивает головой.

Соловей, соловей, пташечке!

Канареечке, жалобно запер!

взвивается к небу высокий тенор экипажного запевалы Витьки Миронова, и все проникаются высоким искусством.

Раз запер, два, запер!

Три запер!

дружно подпрягаются остальные, и под каблуками весело скрипит снег.

Когда, завершая очередной куплет, строй минует здание флотилийского штаба, с разлапистыми соснами у входа, оттуда раздается начальственный рык «А-атставить!» и в свете фонарей возникает рослый капитан 3 ранга с повязкой «РЦЫ»* на рукаве и пистолетной кобурой у колена.

– На месте! Старший ко мне! – рявкает «каптри» и закла-

дывает руки за спину.

Поправив шапку, Юркин рысит к начальству, останавливается в трех шагах и бросает к виску руку.

– Кто такие?! – тычет оно пальцем в хромовой перчатке в строй.

– Экипаж капитана 1 ранга Милованова! Следуем с помывки!

– А что за хрень вы несете?!

– Виноват! – делает идиотское лицо Жора и ест глазами начальство.

– Повторное прохождение – выносит приговор капитан 3 ранга – И с достойной песней!

Тихо матерясь, Жора отводит нас чуть назад, потом следует команда, и мы рубим строевым.

– Запевай! – подпрыгивает по – птичьи, сбоку старшина.

« Славится Северный флот с давних пор,
Парни на флоте у нас на подбор!»

снова летит в небо тенор Миронова

« Северный флот, Северный флот,
Северный флот, не подведет!»

орем мы во всю силу легких, стараясь держать равнение.

– Смир-рна! Равнение налево! – голосит Жора, руки при-

жимаются по швам, и рожи поворачиваются в сторону начальства.

– Молодцы, товарищи североморцы! – прикладывает руку к козырьку капитан 3 ранга. – Хорошо слУжите!

– Служим Советскому Союзу! – оглушительно рывкаем мы, и на шкентеле* кто-то падает.

– Вольно! – командует Жора, когда штаб исчезает позади, мы переходим на походный шаг.

– Какая курва там упала?

– Желудок! – радостно орут несколько голосов, и мы сме- емся.

Впереди фильмы и целое воскресенье.

Примечания:

Зашхериться – спрятаться, укрыться (жарг.)

Баталерка – комната хранения личных вещей.

Губа – гауптвахта (жарг.)

Обрез – часть металлической бочки, урна (жарг.)

Хурда – одежда (жарг.)

Шкентель – конец строя (жарг.)

На бачке

– Шире шаг! – сдвинув на затылок щегольскую бескозырку, останавливается у крутого трапа плавбазы цыганистого вида старшина, и матросские каблуки дробно стучат по ме-

таллу.

На верхней площадке руки поочередно взлетают к виску, приветствуя реюший на гафеле военно-морской флаг, и вернувшись с лодки команда ступает на первозданной чистоты, настил палубы.

Миновав громаду шарового цвета надстройки, моряки направляются в сторону кормы, и, весело переговариваясь, исчезают в ограждении люка одного из кубриков.

Внизу они стягивают с потных тел синие, с боевыми номерами рубахи, из рундуков извлекаются мыло и казенные полотенца, после чего команда отправляется мыться.

Впрочем, не вся. Остаются бачковые.

Они выщелкивают из креплений раздвижные столы, водружают их у рундуков под подвесными койками и шмякают на каждый по горке алюминиевых мисок с ложками (вилок и ножей не полагается), и быстро расставляют эмалированные кружки.

Затем из посудного шкафчика извлекаются емкие бачки с крышками, армейского образца «сидоры» и массивные, тяжелого металла чайники.

Все это берется в руки, бачковые шустро карабкаются наверх и рысят в направлении камбуза.

Он гордо высится на юте* и издает дразнящий запах.

Парни пристраиваются за такими же гонцами из других экипажей, после чего идет обмен приветствиями и все гадают, чем сегодня кормят.

Впрочем, ждать приходится недолго, впереди звякает окно раздатки, и первый в очереди со словами, – на десять! – сует туда бачок с чайником.

Спустя минуту они возвращаются наполненными, волосатые, в наколках руки, шлепают на броняшку три золотистых «кирпича» и изнутри орут – следующий!

Получивший сует хлеб в «сидор», прихватывает емкости и, с чувством выполненного долга, шествует вдоль очереди. В бачке янтарный, с мослами борщ, его крышке, макароны по-флотски, в чайнике компот.

– Нормалек, – провожают его взглядом, и действие продолжается.

Когда подходит очередь Женьки Банникова, он орет, – на восемь! – передает рукам посуды и раздергивает горловину «сидора».

Вслед за этим следует хлюп, потом звяк и кок орет, – следующий!

Получив харч, Женька навьючивает себя атрибутами и, сопя, уносится в направлении кубрика.

Далее следует эквилибристика на трапе, небольшой контакт башкой с пиллерсом*, и кормилец тормозит у своего стола.

За ним семеро, включая старшину и химиков с ракетчиками.

– Молодца! – каркает он. – Хорошо служишь!

А трап гремит, не переставая.

В кубрике, как черти из коробки, возникают очередные бачковые, харч распределяется по столам, делится, и все дружно мелькают ложками.

Когда миски с борщом опорожняются, старшие загружают их обильно сдобренными тушенкой макаронами, и темп несколько снижается.

– Жить, как говорится, хорошо! – отправляя в рот очередную ложку, – изрекает киношную истину один из ракетчиков.

– А хорошо жить, еще лучше! – всасывает в себя длинную макаронину химик.

Потом все выпивают по кружке компота из сухофруктов и смачно чавкают грушами с черносливом.

– Ну, теперь, можно и соснуть, – первыми отваливаю от столов «годки»* и, сбросив тапки, укладываются в подвесные койки.

– По тревоге не кантовать, при пожаре выносить первыми, – сонно бормочет один и раздражается богатырским храпом.

Из оставшихся, часть направляется к трапу, предаться наверху пагубной страсти табакокурения, другие раскатывают пробковые матрасы и, зевая, укладываются на рундуки, а бачковые, стараясь не шуметь, убирают со столов.

Затем они тоже поднимаются наверх, остатки выбрасываются за борт на радость бакланам, и под их радостные крики направляются в нос судна.

Там, в просторном умывальнике, расцвеченном бьющим в отдраенные иллюминаторы солнцем, холодной водой с мылом, уже драят посуду несколько бачковых из других экипажей.

Прибывшие брякают свою в длинный, идущий по борту глубокий желоб из нержавеющей стали, отворачивают вентили медных кранов и тоже активно включаются в процесс.

Когда алюминий промыт до скрипа, все складывается в емкости, парни перекуривают и возвращаются в полумрак кубрика.

Там храп, сонное бормотание и шипение пара в трубопроводах.

Упрятав столовые атрибуты в кухонный шкаф, Женька разворачивает на своем рундуке постель, укладывается на нее, и довольно улыбается.

До конца дня всего ничего, и после ужина он передаст свои полномочия другому.

Патруль

– Первая шеренга два шага вперед! – командует стоящий перед строем помощник коменданта.

– Бах, бах, – весело отзываются матросские каблуки, и мы едим глазами начальство.

– Т-экс, – довольно изрекает оно и неспешно скрипит рантами меж шеренгами.

На дворе июнь, кругом все цветет, в небе кувыркаются голуби.

– Два шага назад! – завершив осмотр, рывкает майор и, обернувшись, кивает стоящему рядом дежурному по части.

Тот делает значительное лицо, кашляет в кулак и открывает перед собой папку.

– Слушай выписку из Устава караульной и гарнизонной службы! – пучит глаза в нашу сторону.

– Патрульный обязан!

Далее следует перечисление всего того, что нам следует делать, а чего нет, и инструктаж завершается начальственным ором, – ясно?!

– Так точно! – разносится эхом по плацу, и мы задираем вверх подбородки.

– Начальникам патруля принять личный состав и выйти на маршруты! – обращается майор к небольшой группе созерцающей действие офицеров, и те подходят к шеренгам.

Нас с Валеркой Тигаревым забирает лейтенант и отводит в сторону.

– Лейтенант Малыш – коротко бросает он. – Будем знакомы.

Мы прикладываем руки к бескозыркам и незаметно переглядываемся.

На малыша он явно не тянет. Рост два метра, плечи грузчика и здоровенные кулаки, с голову младенца.

Начальник разжимает один, вручает нам красные, с гроз-

ной надписью повязки, мы нацепляем их на рукава форменок и проникаемся сознанием своей значимости.

– Маршрут движения – парк, центр города, шлюпбаза и базовый Дом офицеров, – наставительно бубнит лейтенант. – Ясно?

Мы дружно киваем и приосаниваемся.

После этого наша тройка направляется к КПП*, минует его темный коридор и попадает в мир солнца.

– Хорошо бя, – щуримся мы с Валеркой и довольно озираемся.

– Не отставать! – гасит лирическое настроение лейтенант, и мы прибавляем ходу.

В город не было увольнений две недели. С того самого времени, как мы подрались с морпехами.

Сегодня первое и целая толпа патрулей. В воспитательных, так сказать, целях.

Оставив позади часть, для начала мы направляемся в городской парк и гордо шествуем по его центральной аллее.

По ней гоняет на велосипедах стайка орущих пацанят, а на скамейках дремлют бабульки с детскими колясками. Нарушителей дисциплины явно нету.

– А теперь в центр, – подпернув портупею с кобурой, изрекает начальник, и мы выходим из-под зеленых крон.

Палдиски – город морской и военный.

В свое время его основал царь Петр, и он стал одним из форпостов на Балтике.

Сейчас в городе атомный учебный центр, бригада подплава и дисбат, а в окружающих лесах погранзастава, морпехи, два ядерных реактора и, прикрывающее объект, подразделение ПВО.

Есть и гражданское население – русские и эстонцы, но их мало.

Спустя несколько минут мы выходим на главную улицу, именуемую Лауристини, где жизнь, как говорят, бьет ключом.

У центрального универмага продают квас, газировку и мороженое, по тротуарам дефилирует разряженная публика, а по проезжей части катят автобусы и машины.

А вот и первые потенциальные нарушители. Три рослых морпеха в черной форме, беретах и коротких сапогах.

– Ком цу мир! – делает лейтенант жест пальцем, и те, отдав честь, вытягиваются перед начальством.

– Документы! – обводит он глазами тройку, и все лезут в карманы.

Пока Малыш изучает военные билеты и увольнительные, мы разглядываем морпехов, пытаясь угадать в них знакомых. Не получается. А морды наглые, форменные бандиты.

– Все, можете быть свободны, – возвращает начальник документы, и мы следуем дальше.

Потом мы с Тигаревым оглядываемся и один из морпехов тоже.

В следующую секунду он сгибает в локте руку, шлепает

по нему второй и делает известный жест.

– Вот сука, – бубню я Валерке. – Теперь вспомнил, это он мне в ухо дал.

Пока мы идем по улице, и я строю планы мести, вдали возникают еще несколько военных групп, но все они бесследно исчезают.

Меж тем солнце поднимается к зениту, становится жарко, и лейтенант угощает нас квасом.

Опорожнив по кружке, мы перекуриваем в одном из дворов на скамейке, после чего отправляемся в сторону шлюпбазы.

Там, за дощатым ограждением с плавсредствами, одиноко торчит вышка, а чуть в стороне, на пляже, десяток бледных парней с воплями гоняют мяч.

– С подплава, – кивает Валерка на аккуратно сложенные неподалеку роботы, и мы несколько минут наблюдаем за игрой.

Затем, с лейтенантом во главе, скрипим ботинками по береговой гальке и по извилистой тропинке поднимаемся на крутой склон.

Перед глазами открывается безбрежная даль залива, точки парящих в синеве чаек и перистые облака у горизонта.

– Ну, как, впечатляет? – оборачивается к нам Малыш, и мы молча киваем бескозырками.

Залив мы каждодневно наблюдаем из окон учебного центра и не перестаем удивляться.

Утром он затянут легким туманом и вроде спит, днем ра-

дует глаз барашками бегущих по нему волн или зеленью ультрамарина, а вечером окрашивается в пурпурные тона уходящего на покой солнца.

Спустя полчаса, оставив позади берег, мы выходим на одну из окраинных, застроенными частными домами улиц, и идем по ней обратно.

Дома аккуратные, с высокими черепичными крышами и зелеными палисадниками вокруг.

Ты проснешься на рассвете,
Мы с тобою вместе встретим,
День рождения зари.
Как прекрасен этот мир, посмотри,
Ка-ак прекра-асен, этот мир

доносит откуда-то ветерок слова популярной песни, и мы проникаемся лирическим настроением.

Впрочем, длится оно недолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.